

Механизм формирования отношения молодежи к труду: сетевые связи и восприятие институтов*

Анита Поплавская

Кандидат социологических наук, научный сотрудник
Лаборатории экономико-социологических исследований,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, Москва, 101000 Российская Федерация
E-mail: apoplavskaya@hse.ru

Одним из актуальных вопросов современной российской реальности является понимание молодежи и ее амбивалентного подхода к работе. По результатам серии авторских эмпирических исследований трудовых ценностей российского студенчества сделан вывод о том, что основной дилеммой будущих профессионалов является выбор между лично выгодными (предполагаемо высокооплачиваемыми и престижными) и социально значимыми (но потенциально недооцененными рублем и признанием) позициями на рынке. Развивая теорию укорененности в сетях и институтах, автором выводится и обосновывается концептуальный аппарат для описания механизма формирования выбора в пользу одного из двух подходов к работе. В научный дискурс вводятся понятия: (1) агентов поддержания рыночного отношения к работе (влияние парасоциальных образцов и психологической легитимации индивидуалистических трудовых ценностей); (2) якорей формирования ценности общественной пользы труда (укорененность в семье и профессиональных сообществах, слабо-сильные связи и образцы как основа формирования ценности социально ориентированного труда); (3) восприятие институциональных проблем как знаковых и позиционных, затрудняющих или подразумевающих активное участие молодых людей в общественной жизни посредством профессиональной деятельности. Разработанные авторские концепты встраиваются в общую теоретическую дискуссию, которая основывается на классической школе (Г. Зиммель, Э. Дюркгейм, М. Вебер, М. Шеллер, К. Полань), а также современных экономико-социологических подходах (сетевой, социокультурный и институциональный). Автор подчеркивает социальную обусловленность выбора будущего трудового пути молодежью, заключающуюся в характере отношений с окружающими людьми и институтами, что формирует способы восприятия структуры как ограничивающей или побуждающей действовать.

Ключевые слова: теория, социальная укорененность, труд, молодежь, экономическая социология, сетевые связи, институты

Одним из актуальных вопросов современности является проблема интеграции молодежи в рынок труда, что может приводить или к поддержанию типичного социального порядка, или к его модернизации, обновлению экономики (Манхейм, 2010;

* **Благодарности:** Я благодарю коллег, участвовавших в обсуждении данной статьи на семинаре Лаборатории экономико-социологических исследований 28 октября 2025 года. Текст был переосмыслен. Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. В статье используется дополненный и доработанный текст диссертационной работы автора: Поплавская А. А. (2024). Дифференциация трудовых ценностей и механизмы их формирования (на примере российского студенчества). URL: <https://www.hse.ru/sci/diss/894923543>.

Омельченко, 2005; Зубок, Чупров, 2008). Насущность вопроса подтверждается исследованиями ранней и интенсивной вовлеченности современных студентов в оплачиваемую занятость. По оценкам экспертов, более половины студентов российских вузов начинают работать уже во время учебы, что дает им значимые преимущества в зарплате и карьерных позициях сразу после выпуска из образовательных учреждений (Рожкова и др., 2024). Подобные тренды высокой вовлеченности в работу во время учебы характерны и для студентов за рубежом (Beerkens et al., 2011; Brooks, 2018). При этом как в научном, так и в публичном дискурсе распространены сетования на отсутствие единообразия знаний об установках, планах и ценностях молодежи, недостаток понимания логики поведения молодежи на рынке, а также того, на чем основывается тот или иной (в основном — амбивалентный, непостоянный, нестратегический или инструментальный) подход к работе среди молодых людей (Андрианова и др., 2018; Ретивина, 2019; Решетников, 2014; Казарина-Волшебная и др., 2012). Для решения проблемы с пониманием и описанием основных дилемм и логик обоснования выбора профессиональной сферы молодыми, потенциально высококвалифицированными кадрами, были подготовлены прошлые статьи автора (Поплавская, 2022, 2023а, 2023б). Данная работа носит концептуальный характер, вписывает полученные результаты проведенных ранее эмпирических исследований в экономико-социологическую традицию изучения феноменов, помогает осмыслить результаты опросов и интервью с молодыми людьми сквозь призму трех базовых подходов экономической социологии: сетевого, социокультурного и институционального.

Обобщенно мы стремимся описать *социальную обусловленность механизма формирования отношения к труду* в современном обществе, механизма, который закладывается в молодом возрасте. По итогам проведенного эмпирического исследования, особенно в части использования обоснованной теории для анализа нарративов интервью, нам кажется, что полученные инсайты соответствуют и объединяют две наиболее распространенные в экономической социологии парадигмы, а именно: рассмотрения экономических явлений как укорененных (а) в сети отношений для поддержания эффективного и стабильного протекания рыночных процессов (традиция М. Грановеттера), (б) в институтах, направление и динамика изменения которых может приводить к адаптации или сопротивлению со стороны общества и отдельных ее представителей (традиция К. Поланьи) (см. подробнее: Krippner, Alvarez, 2007). В целом сам выбор понятия *механизм*, связанный с формированием особого портрета человека, его идентичности, мотивации, вкусов и предпочтений, исходит из теоретической рамки социальной укорененности, а также рассмотрения рынка и общества как полярных сущностей, с одной стороны, адаптирующихся и помогающих друг к другу в современной капиталистической экономике, а с другой — сопротивляющихся и антагонически настроенных друг против друга. Так, с точки зрения М. Грановеттера, рынок не может эффективно существовать без социальных взаимодействий, а успешность индивида на рынке достигается лишь благодаря включенности в сети отношений с другими людьми

и ориентации на них (Грановеттер, 2009, 2011). Этому вторит подход В. Зелизер, говорящей о необходимости вписывания экономических решений в культурно-нормативный контекст, без чего новые рыночные ниши и направления не возникают и не развиваются (Зелизер, 2010). Точка зрения К. Поланьи более критична. Рынок в его теории может стать автономным от социума и занимать все больше социального пространства, вторгаясь в сферы, которые ранее не поддавались коммерциализации (например, труд), и вызывать тем самым сопротивление части общества или внутренний дискомфорт самих людей, так как базовые принципы работы общественной системы могут быть нарушены (Поланьи, 2002). Несмотря на различия экономико-социологических традиций, оба подхода (сетевой и институциональный) помогают иначе осмыслить фундаментальные для социологии вопросы действия и структуры, найти социальное в экономическом (Рекк, 2005), а следовательно, рассмотреть функционирование современного рынка труда с точки зрения ориентации людей друг на друга и на внешние предписания.

Прежде чем перейти к обсуждению результатов эмпирического исследования и теоретического их осмысления, кратко опишем используемые в авторских исследованиях данные. Базисом для концептуальных построений стал анализ двух национально репрезентативных количественных опросов студентов российских вузов¹, целью которых было выявление иерархии, типов и факторов дифференциации трудовых ценностей студенческой молодежи России (Поплавская, 2022, 2023а), а также анализ нарративов 38 интервью со студентами российских вузов², основной задачей которого было нахождение смыслов и логик обоснования ценности труда (см. подробнее: Поплавская, 2023б). В рамках количественного этапа исследования помимо внутренних и внешних трудовых ценностей, типичных для этой области научного знания и характеризующих внутреннюю мотивацией или ориентацией на внешние стимулы труда (Ryan, Deci, 2000), были выявлены также коллективистские и индивидуалистические ориентации на общественные и личные интересы соответственно. В рамках качественного этапа исследования подобные результаты подтвердились и заострились. Зона основного ценностного конфликта, который молодые люди испытывают при выборе профессии, была обнаружена в сфере выбора между лично выгодными и общественно полезными сферами занятости. Именно эти позиции подчеркивали два устойчивых, полярных

1. Имеются в виду два масштабных исследования: (1) опрос студентов 8 российских региональных вузов («Мониторинг студенческого опыта» консорциума «Доказательная цифровизация для успеха студентов») (N = 6,2 тыс.); (2) опрос студентов российских вузов «Научно-методическое обеспечение развития системы управления качеством высшего образования в условиях коронавирусной инфекции COVID-19 и после нее» (N = 14,8 тыс.).

2. Выборка качественного этапа исследования опиралась на результаты анализа данных количественных опросов. Использовались квоты по полу, направлению обучения (гуманитарные или технические научные направления), категории вуза (ведущий или опорный) и федеральным округам. Для анализа данных использовался метод обоснованной теории, в рамках которого исследователь стремился быть максимально открытым к данным, искать доминирующие в поле смыслы, а также логики обоснования выбора работы, профессии информантами и механизмы конструирования отношения к труду (см. подробнее: Поплавская, 2023б).

ценностных убеждения о том, как предпочтительнее выстраивать свой трудовой путь на рынке труда.

Ввиду ограниченности объема статьи и в связи с тем, что результаты анализа масштабных опросных данных и серии интервью уже подробно представлялись в предыдущих работах автора, в данном тексте мы сосредоточимся на попытке ответить на три более масштабных вопроса:

- Как молодые люди обосновывают свою ориентацию на выгодные и интересные позиции? Какие социальные силы могут обуславливать данный выбор?
- Почему некоторые молодые люди сегодня все равно ориентируются на более традиционные профессиональные направления, связанные с социальным служением, часто недооцененным рублем и признанием? Что их подкрепляет в следовании данному пути?
- Почему в целом молодые люди воспринимают одни и те же сферы труда полярно? Что заставляет их идти в разных ценностно-мотивационных направлениях?

Вначале мы кратко представляем логику обоснования рыночно и общественно ориентированных подходов к работе и авторские концептуальные построения. Основная часть статьи будет посвящена объяснению истоков появившихся на свет авторских концептов³ с помощью реинтерпретации теорий классиков и их последователей, то есть попытке встроиться в широкий теоретический дискурс и указать на его продуктивность при работе с современным эмпирическим материалом. В заключении мы подытожим текст и ответим на три упомянутых выше вопроса.

Результаты эмпирического исследования: противоположные логики отношения к труду и их концептуализация

Согласно классическому подходу М. Рокича, ценности подразумевают устойчивое убеждение в том, что определенный способ существования предпочтительнее противоположного (Rokeach, 1973), что указывает на ситуацию дуальности или даже возможность конфликта между ценностями. Мы обнаружили подобное напряжение в нарративах информантов при выборе между лично выгодными и общественно полезными сферами занятости, что соответствует представлениям эконом-социологов о полярных типах устройства общества и личностной мотивации (Krippner, Alvarez, 2007). Причем отправной точкой в рассуждениях стала категория «*интереса*», которая понималась информантами совершенно различно.

3. Мы называем предложенные термины концептами, которые определяем в качестве конкретных понятий или ключевых слов в рамках более широких теорий объяснения формирования отношения к труду. Наши концепты отражают важные элементы социальной реальности и служат строительными блоками для моделей исследования, и не создают, но скорее подтверждают экономико-социологические теории с помощью отсылки к российской действительности.

Мы полагаем, во-первых, что это связано с первичностью восприятия молодежью себя в качестве профессионалов, мотивированных к саморазвитию и готовых решать сложные, нестандартные задачи, погружаться в содержание труда и учиться новому, интересному (Evetts, 2011). Во-вторых, мы относим категорию «интереса» к экзистенциальным вопросам, которые находят свои ответы в желании обрести идентичность путем ориентации на различные сообщества, группы, их представителей, способных увлечь человека и обеспечить его смыслом будущих действий (Флигстин, Макадам, 2022: 123-124).

В полученных нарративах категория «интереса» наполнялась смыслом с помощью следования рыночным или общественно ориентированным нормам. Студенты, нацеленные на личную выгоду, говоря об образе достойной работы, не рассуждали об общественной повестке, но концентрировались на возможностях решения в рамках оплачиваемой занятости увлекательных задач, приносящих измеримую и осязаемую выгоду как для их саморазвития, так и для повышения материального благосостояния, способствующего обогащению их собственной жизни (чувства, опыт, эмоции, возможности и пр.) и занятию лучших позиций на рынке труда (высокооплачиваемых и интересных). А работающие студенты, акцентирующие внимание на возможностях принесения общественной пользы с помощью своей профессии, рассказывали о личном пристрастии к сложной и не столь прибыльной сфере занятости, от которой нельзя так просто уйти (как будто ее выбора не было или он был сделан единожды, еще на этапе поступления в вуз), которую нельзя запросто заменить на другую (как будто варианта перейти в другую сферу нет, так как есть некоторое субъективное чувство призвания (миссии) и долга за имеющиеся знания и навыки (ответственности) или же полной интернализации социальных коллективистских ценностей).

Представим механизм выбора между двумя полярными типами отношения к труду, за счет которого молодые люди укрепляются в своих ориентациях. Мы начнем с описания рыночной логики, так как по результатам количественного этапа исследования такая логика является наиболее распространенной среди студентов бакалавриата российских вузов, более 50% которых выбирали денежное вознаграждение и интерес к работе как топ-2 важных ее характеристик, и лишь 15-19% говорили о важности общественной ориентации труда (Поплавская, 2022, 2023а). При этом в интервью вопросы внешнего эффекта труда (пользы), интереса и заработка (выгоды) стали смыслообразующими и противопоставляемыми при рассуждениях информантов о своей будущей карьере (Поплавская, 2023б).

Постулированное информантами стремление следовать личной выгоде в сфере оплачиваемой занятости сочеталось с *рыночной логикой* оправдания своего предпочтения (Болтански, Тевено, 2000). Выбор направления обучения и будущей сферы занятости такие студенты осуществляли в логике рациональности: ориентировались на анализ спроса и предложения вакансий на рынке труда, обозначали четкие суммы, потолки которых они стремятся достичь в будущем, а также основные стратегии саморазвития для достижения успеха, зачастую сочетающиеся

с концепцией стремительного и беспрепятственного накопления *человеческого капитала* в своей или в смежных областях. Среди стратегий достижения успеха на рынке труда студенты называли частую смену работодателей, способствующую повышению знаний и навыков, гибкий график основной работы с возможностями брать сторонние подработки в свободное время и заниматься самообразованием, желание эффективно использовать свое время на рабочем месте, меньше тратить его на общение с коллегами и руководителями по сторонним вопросам, и больше посвящать личной «работе на земле» как развивающей жесткие навыки, легче конвертируемые в доход и новые позиции на рынке. В целом подобные установки обосновываются с помощью концепции «проектный град», включающей сочетание рыночного и художественного миров, взаимосвязанное стремление зарабатывать, развиваться, быть ни от кого независимым, — то есть попытки достигнуть свободы действий, не подчиняясь классическим правилам капиталистического хозяйства (Болтански, Кьяпелло, 2011). Интересно, что, обосновывая свой выбор в пользу такого подхода, информанты не ставили в пример знакомых или близких им людей, но ссылались на экспертов по развитию карьеры, на советы безличных или парасоциальных⁴ игроков рыночной системы (образы успешных людей, блогеров, известных медийных личностей и т.п.). Данное наблюдение концептуализировалось нами в отдельную *концепцию агентов формирования рыночного подхода* к работе, и будет подкреплено далее культурологическим подходом в экономико-социологических исследованиях (В. Зелизер, П. Димаджио, Д. Слейтер).

Агенты представляют людям образцы успеха, которым можно следовать. Например, в рассказах медийных личностей, блогеров культивируется значимость постоянного саморазвития, свободы от работодателей, поиска своей ниши на рынке, а также возможностей достижения быстрого успеха, понимаемого как большой заработок и возможность его неограниченного использования. Такие «образцы» демонстрируют картины красивого результата, не всегда рассказывая о сложностях процесса личностного трудового развития⁵. Соответственно, мы наблюдаем кейсы, когда молодые люди чувствуют *когнитивные диссонансы* ввиду оторванности их реальных достижений (небольшие заработные платы, скучная и монотонная работа, на которую они устраиваются и т.п.) от наблюдаемых ими в интернете «образцов» (разнообразная и насыщенная жизнь, материальный достаток, легкость бытия и заработка и т.п.); или же ощущают не востребованность и неценность изначально интересовавших их сложных, трудозатратных сфер занятости (педагогика, наука, медицина и т.п.) в сравнении с другими возможными путями развития на рынке труда, приносящих больший доход (финансы, реклама, цифровая работа и т.п.). В случае невозможности объяснить данные разрывы в оплате

4. Парасоциальные отношения характеризует ориентация индивида на поддержание виртуальных взаимоотношений с медийной персоной посредством интернета, что приводит к желанию постоянно наблюдать за ее жизнью, серьезно воспринимать советы и использовать их в своей повседневности.

5. Все-таки в классическом понимании труд подразумевает преодоление препятствий, затраты сил, времени, чувств, сопротивление сложностям (см. подробнее: Зиммель, 2015: 209–228).

труда, в позициях, преодолеть разочарование и страх перед будущим некоторые студенты обращаются к психологам. По иронии судьбы и несмотря на профессиональное стремление решать общественные проблемы, в нарративах молодых людей *психологи*⁶ оказывались дополнительными агентами по утверждению на пути отказа от «вымученной» общественно ориентированной профессиональной деятельности к идущей изнутри личностной позиции по аккумуляции в себе желания саморазвиваться и добиваться лучших результатов, влиять хотя бы на собственную жизнь, часто путем абстрагирования от общих проблем и социально ориентированных профессиональных сфер деятельности, переориентируясь на индивидуалистический подход к труду как более предпочтительный с точки зрения внутреннего самочувствия, и в том числе нивелирования институционального конфликта между ценностью и ценой труда (Гребер, 2021). Это помогало информантам следовать выбранному ими индивидуалистическому пути в сфере труда, подкрепляло социально.

Ориентация на общественную пользу включила установку на долгосрочное и постепенное развитие в рамках *одной профессиональной сферы*, ее сознательный выбор как призвание, нестяжательное отношение к получаемым за труд деньгам, активное желание достижения высокого уровня знаний и умений, а также планы по обретению общественно признанного статуса в будущем, характерные для классического понимания профессионалов (Хьюз, 2003; Николаев, 2012; Мансуров, Юрченко, 2009). Таким образом, если для ориентированных на рынок молодых людей интерес и вовлеченность в профессию служили логичной основой ожидания высоких материальных вознаграждений, стремления к ним и желания их использования для личного саморазвития, то для ориентированных на общественную пользу студентов интерес конструировался двусторонне — как совокупное осознание (понимание) (1) некоей общественно важной проблемы, требующей профессионального решения, и (2) своих способностей для работы над этой проблемой. Самое главное, что это происходило вопреки осведомленности о низкой вероятности получения высокого заработка и даже социального статуса в будущем, а также без громких слов о «спасении мира», а лишь с намеком на то, что человек может быть хоть каплю полезным в одном, субъективно ощущаемом им в качестве значимого и полезного, деле. Важно отметить, что придание ценности общественной пользе было больше присуще «лирикам», медикам и психологам, что может быть объяснено их вовлеченностью в общение со своими клиентами (конкретными и осязаемыми людьми), в рамках которого такая логика обретает смысл, возникает ощущение *востребованности*, что отчасти компенсирует некоторые негативные материальные и институциональные факторы работы.

6. Подчеркнем, что опрошенные молодые психологи в своих нарративах проблематизировали тренд на индивидуализацию и стремились ориентировать своих клиентов на общение с другими и поиск своего места в обществе. При этом опрошенные клиенты психологов подчеркивали усиление их ориентации на индивидуализм после серии сессий. Данная тема, безусловно, остается недостаточной раскрытой в настоящей статье и требует дальнейших исследований.

Однако какова логика обоснования ценности общественной пользы труда? Согласно исследованию, она вписывается в домашний град (Болтански, Тевено, 2000), укоренена в системе родительских или собственных семейных отношений, имеет гендерную специфику. Кажется, что ориентация на занятие определенного положения в обществе обусловлена несознательно накопленным в детстве культурным капиталом, передающимся в основном в рамках межличностных отношений в семье (Бурдье, 2005). Для улучшения объяснительного потенциала данного вывода нами был предложен *концепт «якорей»*. Понятие «якорь», позаимствованное у Э. Шейна, обозначает *устойчивое внутреннее ядро профессиональной мотивации человека, определяющее, какую работу он считает для себя приемлемой, удовлетворяющей, и где он готов устойчиво развиваться, несмотря на внешние преграды* (Schein, 1993). Так, основной удерживающей силой в области ориентации на общественно полезный труд стала *семья* (родительская и собственная), а также образцы из мира *профессий* (имеющие опыт непосредственного взаимодействия или личностного общения с молодыми людьми и когда-то вдохновившие их собственным примером). Мы находим подтверждение подобным выводам в классической социологии, где семья и профессии осмыслились в качестве наиболее важных при анализе вопросов разделения труда в обществе (Дюркгейм, 1996) и служили основанием ориентации на социацию или обобществление (Зиммель, 2015).

Отдельно в рамках анализа нарративов было выявлено, что при ориентации на общественно полезный труд взаимодействие с представителями семьи (родительской или собственной) зачастую выглядит гендерно обусловленным и в духе структурного функционализма весьма традиционным. Так, отцы формируют «образец» заинтересованного профессионального служения и ощущение (*чувство*) востребованности общественно полезного труда (в терминах феноменологии М. Шелера), а образ одинокой матери, напротив, ориентирует на заработок (важность ответственного выполнения рабочих задач и надежности работы). Женатые юноши заботятся о материальном благополучии недавно созданной семьи, имеют тенденцию отказа от интересных им и не очень выгодных в текущих условиях работ; в то время как замужние девушки ввиду финансовой и моральной поддержки своих партнеров могут себе позволить выполнять «работу заботы» в общественной системе, которая часто оплачивается низко, требует не только временных, но и моральных, эмпатических затрат. «Трагедией» данной теории является прерывание круга воспроизводства ценностей (и социального обмена в логике «дарить-принимать-отдавать») (Мосс, 1996) ввиду ухода молодых людей (потенциально будущих отцов) из общественно полезных в рыночные сферы занятости (иначе: от того, что кажется им важным и интересным + общественно значимым в плане отдачи от себя дара другому → к тому, что кажется на данный момент хорошо оплачиваемым и престижным, но отнимающим силы, время, внутренние ресурсы и не всегда ориентированным на внешнее воздействие на среду, но, что немаловажно, помогающим обеспечить семью). С другой стороны, девушки также говорят о возможности переориентации на семью в связи с взрослением, и отказа

от профессий, которые требуют излишнего эмоционального, эмпатического погружения.

Мы добавляем весьма смелый вывод о значимости «зажигающих» слабо-сильных связей для поддержания ориентации на общественную пользу труда. Информанты, ориентирующиеся на общественную пользу труда, рассказывали об опыте взаимодействия с образцами, значимыми другими. В нашем случае это были: (а) отцы, приходящие после работы домой и приносящие чувство удовлетворения от работы и ее значимости, (б) профессионалы, решившие проблему студента и/или вдохновившие своим примером. Как нам кажется, эти связи являются менее сильными, чем сильные; но более сильными, чем слабые (о силе связей см. подробнее: Грановеттер, 2009). В них сочетается как чувственная, ценностно-окрашенная взаимосвязь в конкретный момент времени, оставляющая сильный отпечаток в понимании смысла труда молодым человеком в его «впечатлительные годы», так и неполное знание о человеке, с которым взаимодействуешь (в сфере его трудовой (в случае отца) или личной (в случае профессионала) жизни), оставляющее простор для интерпретации путей достижения ценности. В этом отношении на индивидуальном уровне взаимодействия происходит нечто, схожее с образованием *структурной складки* (о структурных складках см. подробнее: Ведреш, Старк, 2010), то есть сочетание укорененности образца в сфере профессии и личностное общение с молодым человеком, то есть переход в сферу межличностных доверительных отношений, основанных не на профессиональных качествах, но на домашних, человеческих, эмпатических связях.

Третьим важным инсайтом стало обнаружение ситуаций перехода от изначальной установки на общественно полезные профессии к индивидуально выгодным типам работ. Во-первых, данный переход обосновывался опытом столкновения с ситуациями неценности труда, а также сравнениями своей профессиональной сферы (наука, образование, медицина и т.п.) с новыми профессиями, имеющими совершенно иные условия труда и сравнительно большие заработные платы (наиболее яркий пример, по крайней мере, с точки зрения инженерно-технических кадров, — сфера ИТ, куда, по словам информантов, берут без опыта работы, платят сразу выше рынка, обучают, не требуют присутствия в офисе, четкого графика работы и т.п.). Таким образом, подчеркивалась общая ситуация субъективного восприятия распределения благ в системе как несопоставимых и не соответствующих трудовым затратам. Во-вторых, информанты указывали на опыт ощущения незначимости и имитационности в сфере деятельности, которая в теории должна приносить им личное профессиональное развитие, а другим людям, общественной и хозяйственной системе — пользу. Данный результат согласовывается с тезисами Гребера о важности воздействия на окружающую действительность и ощущение возможностей реализации собственного потенциала в рамках этого воздействия (Гребер, 2021). Опыт столкновения с неидеальной ситуацией в своей профессиональной сфере подталкивал молодых людей к поиску иных сфер занятости, которые если не приносят социального

блага, то хотя бы обеспечивают достойный доход и помогают более эффективно реализовывать собственные таланты и интересы.

В этой связи мы задавались вопросом о том, почему часть молодых людей, получивших фундаментальное образование, уходят из традиционных сфер занятости, ориентируясь на агентность в рыночном поле и возможность самостоятельного выстраивания карьерных траекторий, а часть остаются в своих профессиях, «якорясь» на примерах родителей или ориентируясь на профессиональные сообщества? Дело в специфике характера человека, во влиянии внешней среды или же в ее субъективном восприятии? Ввиду того, что мы не психологи и не можем проверить тезис о предрасположенностях молодых людей, но следуя социологической рамке, мы обратили внимание на то, что объективно одинаковые профессии по-разному воспринимаются индивидами, что обуславливается *полярным восприятием институтов*. В зарубежном контексте авторы также подчеркивали, что молодежь реагирует на предоставляемые ей возможности и ограничения в экономике по-разному, рефлексируя относительно своей позиции в системе и постоянно адаптируясь к внешней ситуации (Breen, Buchmann, 2002).

Мы концептуализируем проблему отказа от социально ориентированных в пользу рыночных профессиональных направлений с помощью термина «институциональных дефицитов», так как он связан именно со сферой осмысления правил функционирования общей системы и выбора, улучшения своего места в ней. Сам термин «*институциональные дефициты*» заимствуется нами из работ отечественных авторов (см. например: Глацких, 2020; Гудков, Дубин, 2003). Дефициты рассматриваются ими в качестве базовых проблем в различных сферах социально-экономической жизни общества, а институциональные дефициты определяются как отсутствие или неэффективность подходов к решению данных проблем (конкретных, планомерных, наглядных и понятных общественности путей решения вопросов образования кадров, трудоустройства талантливой молодежи, распределения ресурсов в стратегически важные сферы экономики и т.п.). О. Глацких также говорит о том, что проблема институциональных дефицитов является многоаспектной и проявляет себя как на макро-, так и на микроуровне (Глацких, 2020). Так, если актуальная проблема не решается на макроуровне (например, если производство стагнирует, или культурные и научные проекты не получают финансирования и т.п.), то все это отражается на качестве жизни конкретных людей и их близких (низкие заработные платы, неудовлетворенность и невостребованность труда т.п.). И рациональным решением для молодых кадров становится отказ от участия в неисправно функционирующих сферах хозяйственной жизни, желание отпустить общественные проблемы «в свое плавание» и переключиться на решение вопросов микропорядка — вопросов собственной жизни. Главным институтом, который будет переводить эти действия на уровень поддающихся регулированию, видится *рынок*, который уже «сам» сможет разобраться в том, как дальше будет организована более общая со-

циально-экономическая жизнь на макроуровне. Таким образом, проблемы будут восприниматься в качестве *знаковых*, то есть нерешаемых.

При этом в части интервью обнаружилось совершенно иное восприятие институциональных проблем, таких, например, как нехватка технологических инноваций, низкий престиж социально необходимых профессий, утечка кадров, коррупция, сложности с карьерным продвижением, заработными платами и т.п. Часть молодых людей считали данные проблемы *позиционными*, то есть исправимыми путем *вовлечения в профессиональные сообщества, совместные обсуждения вопросов и усилия по их решению*. Теория *креативного синкретизма* между людьми и институтами подчеркивает, что институты наполняются людьми и именно люди заставляют систему исправно работать, вдыхают в нее жизненные силы и энергию (Berk, Galvan, 2009). В российской научной литературе данный вопрос обсуждается через призму *доверия* сообществам и системе в целом: при формировании долгосрочных стратегий развития люди сглаживают кризисные периоды, удерживая от распада существующие порядки и даже укрепляя их (Трофимова, 2017). Мы лишь добавим, что доверие институту профессии и восприятие проблем развития ряда сфер экономики в качестве позиционных подкреплялось социальными связями, становившимися якорями, удерживающими кадры в гаванях образовательных и профессиональных траекторий.

Согласно проведенному исследованию, в кейсах, где учеба и работа студентов была связана с естественнонаучными областями, студенты рассказывали о процессе переориентации на рынок ввиду ресурсных невозможностей воплощения профессиональных интересов в жизнь (например, химия, биология, физика — сферы, где бюджетные средства, гранты, дорогостоящее современное оборудование и материалы становятся решающими для проведения исследований и разработок, где также важны информированность и внешние связи разных уровней). А в нарративах, где профессия была связана с непосредственным общением с клиентами, с конкретными и осязаемыми людьми и не требовала материально-технической поддержки на масштабном уровне, наоборот, прослеживалось укрепление в своей ориентации на общественную пользу работы и следование своему профессиональному пути (например, учителя, психологи, иногда врачи, культурологи). Можно сделать вывод о том, что взаимодействие с конкретными людьми и обобщенной общественной системой является фундаментально важной основой осмысленного подхода к труду (Гребер, 2021; Флигстин, Макадам, 2022). Понимание и наблюдение за эффектами от собственных трудовых усилий может являться дополнительным удерживающим фактором выбора в пользу не столь выгодных на первых этапах построения карьеры профессиональных путей.

Далее мы описываем основания или корни каждого из трех выдвинутых нами концептов (агентов, якорей и полярного восприятия институциональных проблем), разработка которых стала возможной благодаря обращению к классической социологии и трем экономико-социологическим подходам.

Сразу оговоримся и подчеркнем, что цитируемые нами имена классиков социологии не всегда связаны с теоретическими направлениями современной экономической

социологии, которые называются в соответствующих разделах. Например, К. Поланьи является представителем институционального подхода, но мы берем из его теории идею об агентах и масштабных трансформациях культуры. М. Вебер подчеркивал роль мировоззрения в трансформации поведения человека, но мы черпаем из его подхода идею о восприятии институтов. Таким образом, мы не стремимся прочертить взаимосвязи между теоретическими школами, о чем уже написано много хороших работ. Целью статьи является отражение истоков концептуальных авторских построений, порою возникающих на стыке нескольких социологических направлений.

Взаимосвязь «концепта агентов» с классикой:

К. Поланьи, социокультурный подход экономической социологии

Российское общество конца XX — начала XXI века, помимо экономической и политической трансформаций, прошло через культурные изменения, а именно — замещение традиционных и/или советских трудовых ценностей капиталистическими (Магун, 1998). Этому переходному периоду от коммунистической системы к рыночной посвящено множество работ: как отечественных (Капелюшников, 2003; Гимпельсон, 2001; Магун, 1998), так и зарубежных (Буравой, 2009; Stenning, 2005). Однако понимаю того, чем данный переход был поддержан на микро- и мезоуровнях, кроме самих макроизменений в экономике и политической рамке, перемен общей риторики и идеологических лозунгов, структурно-институциональных факторов в виде организации системы найма и труда, как нам кажется, не было уделено достаточно внимания.

Результаты проведенного эмпирического исследования и выявление социальной обусловленности рыночного подхода к работе находит теоретическое обоснование в исторической и социокультурной традициях. Уже в классической работе К. Поланьи «Великая трансформация...» показано, как роль традиционных институтов в хозяйственно-экономической жизни капиталистических стран постепенно замещалась центральной ролью институтов экономических (торговля, деньги, рынки) (Поланьи, 2002). Внешне преследуя те же цели (благополучие людей), новые институты достигают их внесоциальными средствами. Главным и естественным принципом провозглашается эгоистическое стремление атомизированных индивидов к выгоде, целью хозяйства становится наращивание богатства на микро-, мезо- и макроуровнях. Традиционным задачам социетального уровня (интеграция, латентность, целеполагание, общественное благо) уже не уделяется значительного внимания, так как прогресс в этих сферах должен «подтянуться» за экономическим развитием (Коулман, 2009).

Ответ на вопрос о том, как люди принимают новый порядок и почему они подстраиваются под него, кроется скорее в изменении *поведенческих образцов*, на которые люди начинают ориентироваться в быстро меняющемся мире и воспринимать их как новую норму (Нуреев, 2006: 198–199; Буравой, 2006: 285). Подобные образцы

могут концептуализироваться в качестве искусственно сконструированных, придуманных для адаптации к быстро меняющимся внешним условиям (Dobbin, 2004: 35). Продуцируемые новой средой и образцами, смыслы и действия уже не относятся к сфере кумулятивной культуры (медленное, намеренное, вербализованное и эксплицитное познание, формирование глубинных смыслов), но к сфере автоматического познания и усвоения простой, образной, упрощенной информации (DiMaggio, 1997). А в сфере труда, которая, согласно Поланьи, исторически не поддавалась коммерциализации, была выведена из сферы купли-продажи ввиду ее непосредственной связи с личностным развитием человека (созидательное и творческое начало) и принципами общественного сосуществования (нравственность, мораль, достоинство, вклад в общественное благо), подобная адаптация происходит наиболее проблемно (Поланьи, 2002). В новой капиталистической реальности люди вынуждены использовать свои трудовые ресурсы ради доступа к деньгам, что меняет их ориентиры, ценности и неизбежно должно находить подкрепление в социальной среде⁷.

Отсюда появляется гипотеза об *агентах развития и поддержания рынка*. Так как согласно нашему подходу, процессы в сфере хозяйства и экономики являются социально обусловленными, *культурная революция* также имеет «социальных агентов», задающих тон и скорость изменениям. В XIX веке существовали особые группы: идеологи либерализма, считающие интересы развития рынка своими собственными и общественно благотворными, и буржуазия, уверовавшая в благотворность формирующейся рыночной экономики и промышленного развития (Поланьи, 2002: 150). В конце XX — начале XXI века ввиду утверждения рынка в качестве центрального хозяйственного института «агенты» уже описывались зарубежными учеными в качестве профессионалов, умеющих продвигать услуги и товары, которые ранее не участвовали в обменных рыночных процессах. Наиболее известным здесь является история неприятия широкой общественностью, а затем широкого распространения услуги по страхованию жизни в Америке (Зелизер, 2010). Страховые агенты играли основную роль в легитимизации новой практики «оценивания бесценной жизни» и утверждения особой рыночной ниши, где страхование человеческой жизни оценивается в качестве культурно приемлемого акта. Важно, что агенты были представителями социально-культурной среды и знали, каким образом, с помощью каких смыслов и техник общения люди могут согласиться на подобную услугу, поняв ее благотворное влияние на состояние финансов в их семьях. Более современными «агентами» рынка считаются маркетологи, имеющие *двойственную идентичность и амбивалентное положение* (Слейтер, 2008). Маркетологи уже являются «взращенными» рынком работниками своей

7. В целом человек не может существовать без какой-либо определенной системы ценностей, и антропологи подчеркивают ее историческое конструирование и сложность изменения (Мосс, 1996; Graeber, 2001). Более того, само общество как совокупность людей стремится к установлению понятного и продолжительного *социального порядка*, особенно после кризисных периодов (Флигстин, Макадам, 2022). *Способность к установлению порядка получают агенты, обладающие социальными навыками*, то есть способностью *общаться* с другими и *убеждать* их в легитимности переосмысленных порядков, правил, норм, ценностей.

профессиональной сферы, наученными подстраиваться под условия и запросы широких масс (учитывающие культурные смыслы, традиции, потребности), но являющимися одновременно отдаленными от социокультурного поля, то есть преследующими собственные выгоды на микро- и мезоуровнях и приближенными к нему, то есть верящими в благотворность введения новых товаров и услуг на рынок. Так, парасоциальные агенты (блогеры, медийные личности, эксперты по успешному карьерному росту) транслируют новые *поведенческие образцы* и получают отклик у основной массы молодежи, так как они отсылают к традиционно значимым категориям свободы, независимости, счастья и успеха, перенося их реализацию в современный капиталистический контекст.

Взаимосвязь «концепта якорей» с классикой: Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, сетевой подход экономической социологии

Концепция якорей общественной ориентации труда находит свое вдохновение и теоретическое подкрепление в работах Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, считавших, что идентичность и поведение человека формируются его социальной средой, и отчасти в сетевом подходе экономической социологии (М. Грановеттер, Д. Старк), развивающим представление о том, как разные типы взаимодействия между индивидами, сила и тип связи между ними могут иметь различные последствия (например, нахождение более качественных рабочих позиций, создание инноваций в сфере экономики и т.п.). Кратко осветим основные точки подобных пересечений.

С точки зрения Дюркгейма, нравственность определяется в качестве коллективистской понятийной категории (Дюркгейм, 1996: 32, 51) и образуется повсюду, где образуется группа, а основным источником нравственной деятельности является привязанность к чему-то, что превосходит индивида. То есть в сфере нравственных явлений индивидуальные стремления и склонности — только лишь изначально заданные факты социальной структуры, заставляющие человека действовать определенным образом, подчиняя частные интересы коллективным, что в конечном итоге заставляет воспринимать их в качестве своих собственных интенций. Погруженность в сети взаимоотношений с другими препятствует образованию антисоциального поведения и закрепляет образцы воспринимаемого в качестве стандартного и правильного поведения (Дюркгейм, 1996; Доббин, 2016). Таким образом, за людьми происходит закрепление социальных ролей, которые они стремятся исполнять в социальной структуре. Эти роли, согласно Дюркгейму, должны быть направлены на формирование доверительной среды взаимопомощи и взаимобмена, иначе солидарность в обществе не будет воспроизводиться, что может приводить к кризисам (Bowring, 2016).

Образование солидарности во взаимоотношениях между людьми, синергия людей и институтов коренится как раз в связях с более широкими, продолжительными существующими и имеющими социетальные цели образованиями. В этом отношении современные молодые люди опираются на институты семьи и профессии

как на оплоты коллективной морали. В работах Дюркгейма демонстрировалась эволюция «оплотов нравственности», переходящих в модернизирующемся мире от семьи к профессиональным группам, выполняющим схожие с семьей функции (экономические и экзистенциальные), но отличающимся от нее добровольностью вхождения, более сильными в плане лоббирования интересов позициями в системе, а также более частым взаимодействием с внешним миром, то есть поддающимся более сильному моральному влиянию извне и, соответственно, размыванию, изменению (Дюркгейм, 1996). Однако Дюркгейм выделяет эти две группы, воплощающие в себе нравственную организацию жизни, как взаимозаменяемые и эволюционирующие от механической к органической солидарности. Мы же говорим о том, что институты семьи и профессии дополняют друг друга, как, например, показано в смежной по тематике работе Дж. Гринхаус и Г. Пауэл, доказывающих, что сферы работы и личных отношений (иначе, профессиональной деятельности и семейной жизни) не всегда конфликтуют друг с другом, а зачастую являются взаимно обуславливающими компонентами успешности человека на рынке труда и его удовлетворенности жизнью в целом (см. подробнее: Greenhaus, Powell, 2006).

Определив основные институты, участвующие в передаче общественно ориентированных трудовых ценностей, причем как отдельно, так и совместно, мы задаемся вопросом о том, почему в качестве выявленных нами образцов выступают отцы и профессионалы своего дела? Почему информанты указывали конкретные типы людей в своих нарративах (причем людей определенных, значимых для становления их ориентации на путь профессионализации в не столь популярных для современности сферах занятости)⁸?

Отчасти на этот вопрос отвечает социология Г. Зиммеля, М. Шелера, а также сетевая перспектива М. Грановеттера и Д. Старка. Работы Зиммеля указывают на важность методологического учета актов взаимодействия между индивидами (акцентирование внимания на мезоуровне микропорядка); актов, в рамках которых создается новая ценность и передаются чувства значимости идеи обобществления с другими (Зиммель, 2015). Важной становится идея об *образцах*, которые воспринимаются в качестве имеющих опыт соприкосновения с миром более высоких ценностей, то есть являющих собою некоторый сверхъестественный образ в профессиональной сфере, который воспринимается как труднодостижимый в повседневности, но естественный и бытийный, то есть возможный как воплощение интенции стремления к идеалам (Зиммель, 2015: 398–399; Йоас, 2013). При этом в нарративах указывается на неполное знание о жизни образца, образ которого

8. Анализ рейтинга престижности профессий в России в период за 2020–2023 гг. показал первичность сферы интернет-технологий, цифровизации над всеми другими. См., например: <https://www.rbc.ru/life/news/62cd73679a7947299d884d94> («10 самых высокооплачиваемых профессий в России. Кому, за что и сколько платят»), <https://www.rbc.ru/life/news/63203c8c9a794766b75b86e1> («30 самых востребованных профессий после 11-го класса. Гид для абитуриентов и тех, кто ищет, куда пойти учиться»), <https://ria.ru/20220304/professii-1776484918.html> («На кого пойти учиться: самые востребованные профессии-2023»), <https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=10982339> («Самые высокооплачиваемые и востребованные профессии: настоящее и будущее»).

додумывается и интерпретируется информантами. Так, выявленные нами взаимосвязи между ребенком и отцом, приходящим после работы домой и приносящим чувство удовлетворения от работы и ее значимости, между юным учеником/клиентом и профессионалом, отражающим только свои профессиональные компетенции и ориентированность на решение проблемы, являются менее сильными, чем сильные связи; но более сильными, чем слабые. Здесь сочетается как чувственная, эмоциональная, ценностно-окрашенная взаимосвязь в конкретный момент времени, оставляющая сильный отпечаток в понимании смысла труда молодым человеком в его «впечатлительные годы», так и неполное знание о человеке, с которым взаимодействуешь, оставляющее простор для собственных интерпретации и действия в сфере, которая кажется общественно важной и интересной. В этом отношении на индивидуальном уровне взаимодействия происходит нечто схожее с образованием *структурной складки* (Ведреш, Старк, 2010), имеющей достаточную укорененность в локальных, в нашем случае традиционных, институтах и открытость к новому, то есть желание перехода в мир профессионального развития, при этом укорененного в решении проблем других людей, членов более обширной социальной структуры.

Взаимосвязь «полярного восприятия институтов» с классикой: М. Вебер, институциональный подход экономической социологии

Классическая социология исходит из предпосылки о том, что социальная структура формирует ценности, предпочтения и поведение людей. Институты, являющиеся надындивидуальными образованиями, задают правила и наделяются правом на санкционирование за их нарушение, то есть направляют и регулируют действия и взаимодействия индивидов. Согласно М. Веберу, институты представляют из себя не только рационализированные законы, но и поддерживаются именно благодаря тому, что люди вкладывают в них определенные смыслы и значения и, исходя из интерпретаций, действуют особым образом, способствующим сохранению или изменению значения институтов (Вебер, 2016; Доббин, 2016). Таким образом, институты являются общественными договоренностями по поводу формальных и неформальных принципов интеракции. На *микроуровне* они предоставляют людям сценарии действия, набор поведенческих образцов, которые в общественном сознании приводят к достижению поставленных целей⁹; на *макроуровне* — обеспечивают воспроизводимость и стабильное функционирование системы с помощью поддержания существования наделенных смыслами институциональных сценариев, облегчая протекание процессов, в том числе в хозяйственной жизни (Мейер, Роуэн, 2011).

9. Институты также задают представления о взаимосвязях между различными вещами в мире (Dobbin, 2004: 5). Касательно трудовой сферы жизни человека мы полагаем, что центральным здесь считается соотношение между *ценой* и *ценностью труда*.

Институты также задают представления о взаимосвязях между различными вещами в мире (Dobbin, 2004: 5). Касательно трудовой сферы жизни человека мы полагаем, что центральным здесь считается соотношение между ценой и ценностью труда. В традиционных сообществах связь скорее была прямой и положительной, что помогало людям создавать целостные представления об институте хозяйства и о своем месте в нем (Graeber, 2001). В XXI веке представления о подобной связи стали меняться, появился феномен обратной связи между занятостью в общественно полезных сферах занятости и получаемой за труд заработной платой (Гребер, 2021), что становится проблемой для осмысления собственного труда, особенно в высокооплачиваемых секторах экономики, а для представителей низкооплачиваемой, но общественно важной работы это становится трудностью и препятствием для саморазвития и ощущения значимости труда.

В ситуации неопределенности институциональные правила ставятся под вопрос, что приводит к конфликтам между смыслами, продуцирующимися на уровне макроструктуры, и мотивацией микродействий индивидов (Вайзе, 1993; Giddens, 1984). Здесь институты имеют потенциал к изменениям ввиду релокации ресурсов между акторами в полях стратегических и коллективных действий, а также способностей акторов конструировать новые смыслы и влиять на общественную повестку (Флигстин, Макадам, 2022). Механизм институциональных изменений находит свое объяснение в теории полей Н. Флигстина и Д. Макадама, говорящих о социальном конструировании смыслов на микроуровне и потенциале их влияния на макроизменения. Главными аспектами данного процесса являются (а) субъективное позиционирование участников полей или акторов, (б) их представления о насущных и наиболее острых проблемах в системе, (в) разделяемые понимания о том, как проблемы можно решать. Также значимыми здесь являются общественно-разделяемые понимания о том, что стоит на кону (или: где находится ценность?); у кого есть ресурсы, чтобы решать данные проблемы (или: кто является доминирующим игроком в поле?); какие стратегии действий имеют смысл в данном контексте, что определяется тем, как действуют другие участники общества, и как собственные действия акторов согласуются с общими тенденциями (или: на кого ориентироваться? как себя выгоднее вести, чтобы занять лучшие позиции в поле? как возможна адаптация к изменениям? если актор обладает ресурсами: как влиять на изменения?).

В рамках проведенных эмпирических исследований мы обнаружили два способа позиционирования себя на рынке труда: рыночно-проектный и общественно ориентированный подходы к работе. Однако информанты также отсылались к макроуровневым дискурсам, в рамках которых конструировался их выбор (Коулман, 2004, 2009). Главными дискурсивными зонами стали вопросы о возможности трудоустройства после окончания университета, веры в связку образования и рынка труда, запросов на профессиональные кадры и их потенциальную влияние в будущем. При сопоставлении классических профессий, правил их достижения и работы в них, определяемые в духе классической социологии профессий (зна-

ния, навыки, стаж), с новыми сферами занятости, более разрекламированными и востребованными на рынке с точки зрения их вознаграждения, могут возникать внутренние дилеммы и желание менять карьерные траектории. Например, сфера IT, отличающаяся менее жесткими требованиями к образованию, стажу работы и связям, способствует появлению новой трудовой этики и ставит под сомнение традиционные правила вхождения в высокооплачиваемые и статусные профессии. Внешние социальные проблемы в этом контексте начинают волновать меньше или восприниматься в качестве знаковых, то есть неразрешимых. При этом часть молодых людей, укорененная в сетях семей и институтов, продолжает вкладывать традиционные смыслы в профессии и верить в институты, просто веря в то, что в стране делается все возможное для развития общества и экономики, и помочь этим процессам можно лишь собственным участием и реализацией своих талантов в конкретных сферах экономики.

Заключение

Вовлеченность новых поколений работников в рынок труда, с одной стороны, предполагает поддержание и укрепление существующих порядков социальной структуры, с другой стороны — является возможностью привнесения новых идей в экономические уклады с помощью агентного подхода молодежи. Традиция изучения экономического действия с точки зрения социальной укорененности также подчеркивает наличие некоторой дихотомичности между традиционными, социетальными ориентациями в сфере труда, поддерживающими вопросы жизнеобеспечения и стабильности VS новыми, зарождающимися в капиталистической системе, обусловленными рыночной конъюнктурой и обостряющейся конкуренцией на рынке, ценностями по накоплению богатства и увеличению эффективности. Последние являются инновационными, с одной стороны, и наступающими на старые способы социации и трудового уклада — с другой. Подобное столкновение между прошлым и будущим, традициями и современностью, обществом и рынком может обострять проблемы на макроуровне и переносить их на уровень индивида (Коулман, 2009). То есть вопросы рынка и хозяйства, личной выгоды и общественной пользы вызывают у людей отклик и отражаются во внутренних ценностных конфликтах, которые испытывают юные профессионалы. Молодые люди задумываются о том, за что они хотят и могут нести ответственность: *за собственное благополучие*, в неоклассической экономической логике веря в то, что в конечном итоге такой подход улучшит жизнь вокруг них, или *за извечные и масштабные проблемы*, изъявляя готовность приносить своим трудом вклад в их решение. Таким образом, обнаруженная в эмпирическом исследовании дихотомия между общественно ориентированным и индивидуалистическим подходом к оплачиваемой занятости кажется нам тесно вплетающейся в экономико-социологические дискурсы о рынке и обществе, социальном порядке и его модернизации.

Отвечая на поставленные в начале статьи вопросы, скажем, что молодые люди выбирают либо выгодные и интересные позиции на рынке ввиду их большей обсуждаемости сегодня в публичном пространстве, либо интересные и общественно ориентированные, субъективно воспринимаемые как фундаментально значимые для решения социетальных и хозяйственных вопросов, но не столь выгодные и престижные сегодня. Легитимизация приемлемого для себя варианта происходит с помощью отсылки к логике проектного, либо домашнего града. В первом случае молодые люди ориентируются на накопление человеческого капитала, желают достичь денежного успеха и свободы от привязанностей к определенным профессиям, местам работы, работодателям. Такое отношение к труду подкрепляется ориентацией на *парасоциальных агентов*, транслирующих образы и знания относительно более свободного, нетипичного для прошлого времени способа позиционирования себя в сфере труда, на рынке вакансий. Согласно логике К. Поланьи, этот новый способ позиционирования себя и собственного труда будет искусственно сконструированным, притом что позиция сетевого и культур-социологического подходов скорее покажет нам, что агенты используют традиционные смыслы для модернизации экономики и легитимации капитализации труда, что может восприниматься ими как естественный ход событий, что, однако, не исключает наличия внутренних конфликтов для все больше погружающихся в такой подход людей.

Однако как в рыночной среде в целом возможна иная, просоциальная логика? Является ли такая логика проявлением двойного движения и каков механизм его протекания? Обобщая результаты эмпирических работ, мы пришли к выводу о том, что молодые люди обретают интерес к профессиональному служению в более традиционных отраслях экономики, существовавших на протяжении веков в хозяйственной системе, а затем следуют своему выбору, несмотря на преграды. Передача смыслов о значимости и важности вовлечения в хрупкие для сегодняшнего дня институты, не всегда достойно финансируемые и воспринимаемые обществом как престижные, проходит по каналам *сильно-слабых связей*, обусловленных ситуациями межличностного взаимодействия со значимыми другими. Мы ранее не встречали такого понятия, как *сильно-слабые связи*, но нам кажется оно важным для осмысления возможностей передачи тех глубинных, устойчивых, социетальных смыслов и желаний вовлечения в социально значимый труд, которые передаются по сетям отношений со значимыми другими, о жизни которых мы знаем не все. Например, работающие родители (в нашем случае отцы, выстраивающие доверительные отношения с ребенком в свободное время) и профессионалы определенной сферы (в нашем случае способствующие профессиональному решению проблемы клиента) передают не формальную информацию о работе и ее задачах, но скорее образ вовлеченности в труд, воплощающий ориентацию на отдельных людей и общество в целом. Ориентация может быть помогающей либо эмпатичной. Парадоксально, но мы считаем, что неформальное обучение и профессиональная среда как таковая, а именно *межличностные человеческие взаимоотношения*, слабо-сильные связи, накладывающие отпечаток на смыслы труда, имеют вес в становлении социально ориентированного пути молодых людей.

Наконец, последним был вопрос об оценке макродействительности. Здесь также неочевидным является тезис об агентности молодых людей, ориентированных на более вариативный и современный подход к работе. Мы считаем, что оба типа мотивации труда агентны, но имеют разную специфику. При восприятии проблем в качестве *знаковых*, рыночно ориентированные индивиды сужают свою зону ответственности до организации собственной жизни и карьерного успеха, помогающего достичь денежного благополучия и реализовать свои дальнейшие планы. То есть агентность проявляется на микроуровне. С другой стороны, молодежь, готовая вовлекаться в социально ответственный труд, приносить свой вклад в решение сложных задач, воспринимая их в качестве *позиционных*, проявляет агентность и самостоятельность решений на макроуровне, опираясь на существующие в стране ресурсы и системы, желая их поддержания и постепенного реформирования (Старк, Ведреш, 2005; Доббин, 2013).

С позволения читателя, автор делится своим переживанием относительно того, что, согласно количественным опросам, в стране доминируют индивидуалистические трудовые ценности, притом что выявленная внутренняя дилемма молодых людей, состоящая в конфликте между ориентациями на общественную пользу и трудностями ее воплощения в жизнь, остается незамеченной, так же как и противоречивость сугубо рыночных ориентаций. Мы хотим также подчеркнуть, что нашей целью не является критика проектной трудовой этики, что типично для *старой программы* экономической социологии. В русле *новой программы* мы лишь хотим сделать акцент на том, что доминирование одних ценностей над другими может приводить к проблемам, связанным с неэффективностью экономики, стагнацией и разрушением функционирования отлаженных ранее институциональных экономических сред, благодаря которым и возможно стабильное инновационное развитие (Ведреш, Старк, 2010). Таким образом, цели государства могут быть сосредоточены на укреплении работы существующих институтов семьи и профессий, притом что ключевым фактором осознанного выбора молодежи будут являться именно действия отдельных *личностей*, способных демонстрировать мастерство, проявлять эмпатию и зажигать личным примером.

Литература

- Андреанова Е. В., Тарасова А. Н., Печеркина И. Ф. (2018). Мотивы и трудовые ценности молодежи: парадоксы развития // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 3. С. 324–343.
- Болтански Л., Тевено Л. (2000). Социология критической способности // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 3. № 3. С. 66–83.
- Болтански Л., Кьяпелло Э. (2011). Новый дух капитализма. М.: Новое литературное обозрение.

- Буравой М.* (2006). Концепции Поланьи применительно к России. Великая трансформация К. Поланьи. Прошлое, настоящее, будущее. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ.
- Буравой М.* (2009). Транзит без трансформации: инволюция России к капитализму // Социологические исследования. № 9. С. 3–12.
- Бурдые П.* (2005). Различение: социальная критика суждения // Экономическая социология. Т. 6. № 3. С. 25–48.
- Вайзе П.* (1993). Homo economicus и homo sociologicus: монстры социальных наук // Thesis. № 1(3). С. 115.
- Вебер М.* (2016). Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Ведреш Б., Старк Д.* (2010). Структурные складки: продуктивный разрыв в пересекающихся группах // Экономическая социология. Т. 11. № 4. С. 69–104.
- Гимпельсон В. Е.* (2001). Рынок труда в России и ряде других стран с переходной экономикой // Россия реформирующаяся. № 1. С. 463–486.
- Глацких О. В.* (2020). Институциональные дефициты, «государство благоденствия» и государственная социальная политика: сущность концептов и модели политики // Via in tempore. История. Политология. Т. 47. № 2. С. 437–448.
- Грановеттер М.* (2009). Сила слабых связей // Экономическая социология. Т. 10. № 4. С. 31–50.
- Грановеттер М.* (2011). Социологические и экономические подходы к анализу рынка труда: социоструктурный взгляд // Экономическая социология. Т. 12. № 2. С. 49–79.
- Гребер Д.* (2021). Бредовая работа: трактат о распространении бессмысленного труда. М.: Ad Marginem Press.
- Гудков Л., Дубин Б.* (2003). Институциональные дефициты как проблема постсоветского общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 3. С. 33–52.
- Доббин Ф.* (2013). Формирование промышленной политики: Соединенные Штаты, Великобритания и Франция в период становления железнодорожной отрасли. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Доббин Ф.* (2016). Сравнительный и исторический подходы в экономической социологии // Экономическая социология. Т. 17. № 3. С. 37–81.
- Дюркгейм Э.* (1996). О разделении общественного труда / Пер. с фр. А. Б. Гофмана, прим. В. В. Сапонова. М.: Канон. С. 432.
- Зелизер В.* (2010). Человеческие ценности и рынок: страхование жизни и смерть в Америке XIX века // Экономическая социология. Т. 11. № 2. С. 54–72.
- Зиммель Г.* (2015). Избранное. СПб.: Университетская книга.
- Йоас Х.* (2013). Возникновение ценностей / Пер. с нем. К. Г. Тимофеевой. СПб.: Алетейя.
- Казарина-Волшебная Е. К., Комиссарова И. Г., Турченко В. Н.* (2012). Парадоксы трансформации ценностных ориентаций российской молодежи // Социологические исследования. № 6. С. 121–126.

- Капелюшников Р. (2003). Российская модель рынка труда: что впереди? // Вопросы экономики. № 4. С. 83–100.
- Коулман Д. (2004). Экономическая социология с точки зрения теории рационального выбора // Экономическая социология. Т. 5. № 3. С. 35–44.
- Коулман Д. (2009). Введение социальной структуры в экономический анализ // Экономическая социология. Т. 10. № 3. С. 33–40.
- Магун В. С. (1998). Российские трудовые ценности: идеология и массовое сознание // Мир России. Социология. Этнология. Т. 7. № 4. С. 113–144.
- Мансуров В. А., Юрченко О. В. (2009). Социология профессий. История, методология и практика исследований // Социологические исследования. № 8. С. 36–46.
- Манхейм К. (2010). Избранное: Диагноз нашего времени / Пер. с нем. и англ. М.: Изд. «РАО Говорящая книга». С. 744.
- Мосс М. (1996). Общества, обмен, личность. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы.
- Николаев В. Г. (2012). Социология занятий и профессий Эверетта Хьюза: Забытый интеллектуальный ресурс // Антропология профессий. Границы занятости в эпоху нестабильности / П. Романов, Е. Ярская-Смирнова (отв. ред.). М.: Вариант. С. 59–74.
- Нуреев Р. М. (2006). «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее. М.: ГУ-ВШЭ.
- Омельченко Е. Л. (2005). Идентичности и культурные практики российской молодежи на грани XX–XXI вв. Автореф. дисс... док. социол. наук.
- Поплавская А. А. (2022). Факторы формирования внутренних и внешних трудовых ценностей студентов российских вузов. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 2. С. 181–206.
- Поплавская А. А. (2023а). Будущая работа глазами студентов российских вузов: дифференциация образа работы в межрегиональной перспективе. Мир России: Социология, этнология. Т. 32. № 1. С. 61–86.
- Поплавская А. А. (2023б). Ценность труда для студентов российских вузов: логики обоснования выбора в пользу личной выгоды или общественной пользы работы. Экономическая социология. Т. 24. № 2. С. 11–48.
- Ретивина В. В. (2019). Трудовые ценности и установки современной студенческой молодежи // Высшее образование в России. Т. 29. № 1. С. 57–63.
- Решетников О. В. (2014). Поколение Z и недалекое будущее рынка труда // Школьные технологии. № 1. С. 58–71.
- Рожкова К. В., Роцин С. Ю., Травкин П. В. (2024). От совмещения учебы с работой к совмещению работы с учебой? Изменение модели российского высшего образования // Вопросы образования. № 2. С. 286–322.
- Слейтер Д. (2008). Забирая рынок у экономистов // Экономическая социология. Т. 9. № 2. С. 29–45.
- Старк Д. (2001). Гетерархия: неоднозначность активнов и организация разнообразия в постсоциалистических странах // Экономическая социология. Т. 2. № 2. С. 115–132.

- Старк Д.* (2009). Гетерархия: организация диссонанса // *Экономическая социология*. Т. 10. № 1. С. 57–89.
- Старк Д., Ведреш Б.* (2005). Социальное время сетевых пространств: анализ последовательности формирования сетей и иностранных инвестиций в Венгрии, 1987–2001 гг. // *Экономическая социология*. Т. 6. № 1. С. 14–45.
- Стиллман Д., Стиллман И.* (2018). Поколение Z на работе: как его понять и найти с ним общий язык. М.: Манн, Иванов и Фербер.
- Трофимова И. Н.* (2017). Структура и динамика институционального доверия в современном российском обществе // *Социологические исследования*. № 5. С. 68–75.
- Флигстин Н., Макадам Д.* (2022). Теория полей. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Хьюз Э. Ч.* (2003). Работа и человеческое «Я» // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология*. № 4. С. 138–150.
- Шелер М.* (1994). Избранные произведения / Под ред. А. В. Денежкина. М.: Гнозис. С. 352.
- Beerkens M., Mägi E., Lill L.* (2011). University studies as a side job: Causes and consequences of massive student employment in Estonia // *Higher education*. № 61. P. 679–692.
- Berk G., Galvan D.* (2009). How people experience and change institutions: a field guide to creative syncretism // *Theory and society*. № 38(6). P. 543–580.
- Bowring F.* (2016). The individual and society in Durkheim: Unpicking the contradictions // *European Journal of Social Theory*. Vol. 19. № 1. P. 21–38.
- Breen R., Buchmann M.* (2002). Institutional variation and the position of young people: A comparative perspective // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 580. № 1. P. 288–305.
- Brooks R.* (2018). Understanding the higher education student in Europe: A comparative analysis // *Compare: a journal of comparative and international education*. Vol. 48. № 4. P. 500–517.
- DiMaggio P.* (1997). Culture and cognition // *Annual Review of Sociology*. № 23. P. 263–287.
- Dobbin F.* (2004). *The Sociological View of the Economy* // Dobbin F. *The New Economic Sociology: A Reader*. Princeton, NJ: Princeton University Press. P. 1–46.
- Evetts J.* (2011). Sociological Analysis of Professionalism: Past, Present and Future // *Comparative Sociology*. Vol. 10. № 1. P. 1–37.
- Giddens A.* (1984). *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Berkeley: University of California Press.
- Graeber D.* (2001). *Toward an anthropological theory of value: The false coin of our own dreams*. Springer.
- Greenhaus J. H., Powell G. N.* (2006). When work and family are allies: A theory of work-family enrichment // *Academy of management review*. Vol. 31. № 1. P. 72–92.
- Krippner G. R., Alvarez A. S.* (2007). Embeddedness and the intellectual projects of economic sociology // *Annu. Rev. Sociol.* Vol. 33. № 1. P. 219–240.
- Peck J.* (2005). Economic sociologies in space // *Economic Geography*. Vol. 81. № 5. P. 129–176.

- Rokeach M.* (1973). *The Nature of Human Values*. NY: Free Press.
- Ryan R. M., Deci E. L.* (2000). Intrinsic and extrinsic motivations: Classic definitions and new directions // *Contemporary educational psychology*. Vol. 25. № 1. P. 54-67.
- Schein E. H.* (1993). *Career anchors: discovering your real values* (Revised Ed.). London: Pfeiffer and Co.
- Stenning A.* (2005). Where is the post-socialist working class? Working-class lives in the spaces of (post-) socialism // *Sociology*. Vol. 39. № 5. P. 983-999.

The Mechanism of Work Attitudes Formation among the Youth: Network Connections and Perception of Institutions

Anita Poplavskaya

Candidate of Sociological Sciences, Research Fellow,
Laboratory for Studies in Economic Sociology, HSE University
Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, 101000, Russian Federation
E-mail: apoplavskaya@hse.ru

One of the acute issues of contemporary Russian reality is understanding the youth and their ambivalent attitude to work. Based on a series of empirical studies examining Russian university students' work values, the author concludes that the main dilemma of future professionals lies in the choice between personally beneficial (presumably highly paid and prestigious) and socially significant labour market positions (not always rewarded with status and money). Developing the theory of embeddedness in networks and institutions, the author derives and substantiates a conceptual apparatus for describing the mechanism of choice formation in favour of one of these two approaches to work. The following concepts are introduced to scientific discourse: (1) agents supporting market orientation towards work (influence of parasocial connections and psychological legitimation of individualistic work values); (2) anchors that form values oriented at social utility (rootedness in family and professional communities, strong-weak ties and models of virtue as the basis for collectivistic work values' formation); (3) the perception of institutional problems as symbolic and positional, hindering or implying the active participation of young people in their professional activities. The proposed concepts draw on classical sociological sources (G. Simmel, E. Durkheim, M. Weber, M. Scheler, K. Polanyi), as well as contemporary approaches in economic sociology (network, sociocultural, and institutional). The author emphasizes the social determinacy of young people's choice of future career path, which stems from the nature of their relationships with the others and institutions, which shapes their ways of perceiving the existing structural conditions as limiting or motivating to act.

Keywords: conceptualization, work values, attitudes toward work, economic sociology, sociocultural approach, network approach, institutional approach

References

- Andrianova E. V., Tarasova A. N., Pecherkinina I. F. (2018) Motivy i trudovye tsennosti molodezhi: paradoksy razvitiya [Motives and labor values of youth: paradoxes of development]. *Monitoring of Public Opinion*, no 3, pp. 324–343.

- Beerckens M., Mägi E., Lill L. (2011) University studies as a side job: Causes and consequences of massive student employment in Estonia. *Higher education*, no 61, pp. 679-692.
- Berk G., Galvan D. (2009) How people experience and change institutions: a field guide to creative syncretism. *Theory and society*, no 38(6), pp. 543-580.
- Boltanski L., Teveno L. (2000) Sotsiologiya kriticheskoy sposobnosti [Sociology of critical capacity]. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 3, no 3, pp. 66-83.
- Boltanski L., Kyapello E. (2011) *Novyy dukh kapitalizma* [The New Spirit of Capitalism], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Bourdieu P. (2005) Razlichenie: sotsial'naya kritika suzhdeniya [Distinction: a social critique of the judgement of taste]. *Journal of Economic Sociology*, vol. 6, no 3, pp. 25-48.
- Bowring F. (2016) The individual and society in Durkheim: Unpicking the contradictions. *European Journal of Social Theory*, vol. 19, no 1, pp. 21-38.
- Breen R., Buchmann M. (2002) Institutional variation and the position of young people: A comparative perspective. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 580, no 1, pp. 288-305.
- Brooks R. (2018) Understanding the higher education student in Europe: A comparative analysis. *Compare: a journal of comparative and international education*, vol. 48, no 4, pp. 500-517.
- Buravoy M. (2006) *Kontseptsii Polanyi primenitel'no k Rossii* [Polanyi's concepts applied to Russia]. Velikaya transformatsiya K. Polanyi. Proshloe, nastoyashchee, budushchee [The Great Transformation by K. Polanyi. Past, present, future], Moscow: Izdatel'skiy dom GU VShE.
- Buravoy M. (2009) Tranzit bez transformatsii: involyutsiya Rossii k kapitalizmu [Transit without transformation: involution of Russia to capitalism]. *Sociological Studies*, no 9, pp. 3-12.
- Coleman D. (2004) Journal of Economic Sociology s tochki zreniya teorii ratsional'nogo vybora [Economic sociology from the perspective of rational choice theory]. *Journal of Economic Sociology*, vol. 5, no 3, pp. 35-44.
- Coleman D. (2009) Vvedenie sotsial'noy struktury v ekonomicheskii analiz [Introducing social structure into economic analysis]. *Journal of Economic Sociology*, vol. 10, no 3, pp. 33-40.
- DiMaggio P. (1997) Culture and cognition. *Annual Review of Sociology*, no 23, pp. 263-287.
- Dobbin F. (2004) The Sociological View of the Economy. Dobbin F. *The New Economic Sociology: A Reader*, Princeton, NJ: Princeton University Press, pp. 1-46.
- Dobbin F. (2013) *Formirovanie promyshlennoy politiki: Soyedinyonnyye Shtaty, Velikobritaniya i Frantsiya v period stanovleniya zheleznodorozhnoy otrasli* [Forging industrial policy: the United States, Britain, and France in the railway age], Moscow: Izd. dom VShE.
- Dobbin F. (2016) Sravnitel'nye i istoricheskie podkhody v ekonomicheskoy sotsiologii [Comparative and historical approaches in economic sociology]. *Journal of Economic Sociology*, vol. 17, no 3, pp. 37-81.
- Durkheim E. (1996) *O razdelenii obshchestvennogo truda* [The Division of Labor in Society] (Transl. from French by A.B. Gofman, notes by V.V. Saponov), Moscow: Kanon.
- Evetts J. (2011) Sociological Analysis of Professionalism: Past, Present and Future. *Comparative Sociology*, vol. 10, no 1, pp. 1-37.
- Fligstein N., McAdam D. (2022) *Teoriya poley* [Theory of Fields], Moscow: Izd. dom VShE.
- Giddens A. (1984) *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*, Berkeley: University of California Press.
- Gimpel'son V. E. (2001) Rynok truda v Rossii i ryade drugikh stran s perekhodnoy ekonomikoy [Labor market in Russia and some other transition economies]. *Rossiia reformiruyushchayasya*, no 1, pp. 463-486.
- Glazkikh O. V. (2020) Institutstional'nye defitsity, «gosudarstvo blagodenstviya» i gosudarstvennaya sotsial'naya politika: sushchnost' kontseptsiy i modeli politiki [Institutional deficits, welfare state and state social policy: essence of concepts and policy models]. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya*, vol. 47, no 2, pp. 437-448.
- Graeber D. (2021) *Brezovaya rabota: traktat o rasprostranении bessmyslennogo truda* [Bullshit Jobs: a theory], Moscow: Ad Marginem Press.
- Graeber D. (2001) *Toward an anthropological theory of value: The false coin of our own dreams*, Springer.

- Granovetter M. (2009) Sila slabykh svyazey [The strength of weak ties]. *Journal of Economic Sociology*, vol. 10, no 4, pp. 31–50.
- Granovetter M. (2011) Sotsiologicheskie i ekonomicheskie podkhody k analizu rynka truda: sotsiostrukturnyy vzglyad [Sociological and economic approaches to labor market analysis: socio-structural view]. *Journal of Economic Sociology*, vol. 12, no 2, pp. 49–79.
- Greenhaus J. H., Powell G. N. (2006) When work and family are allies: A theory of work-family enrichment. *Academy of management review*, vol. 31, no 1, pp. 72–92.
- Gudkov L., Dubin B. (2003) Institutstional'nye defitsity kak problema postsovetskogo obshchestva [Institutional deficits as a problem of post-Soviet society]. *Monitoring of Public Opinion*, no 3, pp. 33–52.
- Hughes E.C. (2003) Rabota i chelovecheskoe Ya [Work and the human self]. Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. *Sotsiologiya*, vol. 11, no 4, pp.138–150.
- Kapelyushnikov R. (2003) Rossiyskaya model' rynka truda: chto vpered? [Russian labor market model: what lies ahead?]. *Voprosy ekonomiki*, no 4, pp. 83–100.
- Kazarina-Volshebnyaya E.K., Komissarova I.G., Turchenko V.N. (2012) Paradoksy transformatsii tsennostnykh orientatsiy rossiyskoy molodezhi [Paradoxes of transformation of value orientations of Russian youth]. *Sociological Studies*, no 6, pp. 121–126.
- Krippner G. R., Alvarez A. S. (2007) Embeddedness and the intellectual projects of economic sociology. *Annu. Rev. Sociol.*, vol. 33, no 1, pp. 219–240.
- Mauss M. (1996) *Obshchestva, obmen, lichnost'* [Societies, exchange, personality], Moscow: Nauka; Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury.
- Magun V.S. (1998) Rossiyskie trudovye tsennosti: ideologiya i massovoe soznanie [Russian labor values: ideology and mass consciousness]. *Universe of Russia*, vol. 7, no 4, pp. 113–144.
- Mansurov V.A., Yurchenko O.V. (2009) Sociologiya professii. Istoriya, metodologiya i praktika issledovaniy [Sociology of professions. History, methodology and research practice]. *Sociological Studies*, no 8, pp. 36–46.
- Mannheim K. (2010) *Izbrannoe: Diagnostika nashego vremeni* [Selected works: Diagnosis of our time] (Transl. from German and English), Moscow: Izd. «RAO Govoryashchaya kniga».
- Nikolaev V.G. (2012) Sotsiologiya zanyatiy i professiy Everett Kh'yuzha: Zabytyy intellektual'nyy resurs [Sociology of occupations and professions by Everett Hughes: a forgotten intellectual resource]. *Antropologiya professiy. Granitsy zanyatosti v epokhu nestabil'nosti* (P. Romanov, E. Yarskaya-Smirnova eds.), Moscow: Variant, pp. 59–74.
- Nureev R.M. (2006) «Velikaya transformatsiya» Karla Polanyi: proshloe, nastoyashchee, budushchee [«The Great Transformation» by Karl Polanyi: past, present, future], Moscow: GU-VShE.
- Omelchenko E.L. (2005) *Identichnosti i kul'turnye praktiki rossiyskoy molodezhi na grani XX–XXI vv.* [Identities and cultural practices of Russian youth at the turn of the 20th–21st centuries]. Extended abstract of Doct. diss. in Sociology.
- Peck J. (2005) Economic sociologies in space. *Economic Geography*, vol. 81, no 5, pp. 129–176.
- Poplavskaya A.A. (2022) Faktory formirovaniya vnutrennih i vneshnih trudovykh cennostey studentov rossiyskikh vuzov. [Factors of Internal and External Work Values Formation among Russian Universities' students]. *Monitoring of Public Opinion*, no 2, pp. 181–206.
- Poplavskaya A.A. (2023a) Budushchaya rabota glazami studentov rossiyskikh vuzov: differentsiatsiya obraza raboty v mezhhregional'noy perspektive. [Future Work through the Eyes of Russian University Students: Regional Differentiation of the Work Vision]. *Universe of Russia*, vol. 32, no 1, pp. 61–86.
- Poplavskaya A.A. (2023b) Tsennost' truda dlya studentov rossiyskikh vuzov: logiki obosnovaniya vybora v pol'zu lichnoy vygody ili obshchestvennoy pol'zy raboty [The Value of Work for Russian University Students: The Logic of Justifying the Choice in Favor of Personal Gain or Social Utility]. *Journal of Economic Sociology*, vol. 24, no 2, pp. 11–48.
- Retivina V.V. (2019) Trudovye tsennosti i ustanovki sovremennoy studencheskoy molodezhi [Labor values and attitudes of modern student youth]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, vol. 29, no 1, pp. 57–63.

- Reshetnikov O.V. (2014) Pokolenie Z i nedalëkoye budushchee rynka truda [Generation Z and the near future of the labor market]. *Shkol'nye tekhnologii*, no 1, pp. 58–71.
- Rokeach M. (1973) *The Nature of Human Values*, NY: Free Press.
- Rozhkova K.V., Roshchin S.Yu., Travkin P.V. (2024) Ot sovmeshcheniya ucheby s rabotoy k sovmeshcheniyu raboty s ucheboy? Izmenenie modeli rossiyskogo vysshego obrazovaniya [From combining study with work to combining work with study? Changes in the model of Russian higher education]. *Educational Studies Moscow*, no 2, pp. 286–322.
- Ryan R. M., Deci E. L. (2000) Intrinsic and extrinsic motivations: Classic definitions and new directions. *Contemporary educational psychology*, vol. 25, no 1, pp. 54–67.
- Scheler M. (1994) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works] (Ed. by A.V. Denyazhkin), Moscow: Izdatel'stvo «Gnozis».
- Schein E. H. (1993) *Career anchors: discovering your real values* (Revised Ed.), London: Pfeiffer and Co.
- Simmel G. (2015) *Izbrannoe* [Selected works], St. Petersburg: Universitetskaya kniga.
- Slater D. (2008) Zabiraya rynek u ekonomistov [Taking the market away from economists]. *Journal of Economic Sociology*, vol. 9, no 2, pp. 29–45.
- Stark D. (2001) Geterarkhiya: neodnoznachnost' aktivov i organizatsiya raznoobraziya v postsotsialisticheskikh stranakh [Heterarchy: asset ambiguity and organizational diversity in post-socialist countries]. *Journal of Economic Sociology*, vol. 2, no 2, pp. 115–132.
- Stark D. (2009) Geterarkhiya: organizatsiya dissonansa [Heterarchy: organization of dissonance]. *Journal of Economic Sociology*, vol. 10, no 1, pp. 57–89.
- Stark D., Vedres B. (2005) Sotsial'noe vremya setevykh prostranstv: analiz posledovatel'nosti formirovaniya setey i inostrannykh investitsiy v Vengrii, 1987–2001 gg. [Social time of network spaces: analysis of network formation sequence and foreign investments in Hungary, 1987–2001]. *Journal of Economic Sociology*, vol. 6, no 1, pp. 14–45.
- Stenning A. (2005) Where is the post-socialist working class? Working-class lives in the spaces of (post-) socialism. *Sociology*, vol. 39, no 5, pp. 983–999.
- Stillman D., Stillman I. (2018) *Pokolenie Z na rabote: kak ego ponyat' i nayti s nim obshchiy yazyk* [Generation Z at work: how to understand it and find a common language], Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.
- Trofimova I.N. (2017) Struktura i dinamika institutsional'nogo Doveriya v sovremennom rossiyskom obshchestve [Structure and dynamics of institutional trust in modern Russian society]. *Sociological Studies*, no 5, pp. 68–75.
- Vaize P. (1993) Homo economicus i homo sociologicus: monstry sotsial'nykh nauk [Homo economicus and homo sociologicus: monsters of social sciences]. *Thesis*, vol. 3, no 1, pp. 115.
- Vedresh B., Stark D. (2010) Strukturnye skladki: produktivnyy razryv v peresechayushchikhsya gruppakh [Structural folds: productive gaps in overlapping groups]. *Journal of Economic Sociology*, vol. 11, no 4, pp. 69–104.
- Weber M. (2016) *Khozyaystvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchey sotsiologii: v 4 t.* [Economy and Society: outlines of interpretive sociology: in 4 vols.], Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki.
- Zelizer V. (2010) Chelovecheskie tsennosti i rynek: strakhovanie zhizni i smert' v Amerike XIX veka [Human values and the market: life insurance and death in 19th century America]. *Journal of Economic Sociology*, vol. 11, no 2, pp. 54–72.